АНАТОЛИЙ БЕВЗА

ХАЙП МОЕЙ СМЕРТИ

МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Анатолий Бевза

Хайп моей смерти.

«Автор»
2026

Бевза А.

Хайп моей смерти. / А. Бевза — «Автор», 2026

Варя всего лишь хотела оживить свой умирающий канал. Она опубликовала мем с чёрным котом и предложила подписчикам назвать человека, который скоро умрёт.На следующее утро названного человека нашли мёртвым.Теперь у Вари сотни тысяч просмотров, следователь с кнопочным телефоном и призрак стендап-комика, погибшего двенадцать лет назад. Анонимные предсказания продолжают сбываться, и кто-то явно знает больше, чем должен.Чтобы остановить новые смерти, Варе придётся разобраться в собственной прошлой лжи.Миллион просмотров. Один труп. Подписка бесплатная.Мистический детектив с чёрным юмором, живыми героями и тайной, которую интернет предпочёл превратить в шутку. 16+

© Бевза А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Последний выход 5
Часть первая. Вирус 6
Глава 1. Контент-план на смерть 6
Глава 2. Ожидание/реальность 8
Глава 3. Кнопочный 11
Глава 4. Кот виноват 16
Глава 5. Старые афиши 18
Глава 6. Челлендж 20
Глава 7. Отпечаток кота 22
Глава 8. Знаменитость 24
Глава 9. Кира 26
Глава 10. Тот же кот 28
Глава 11. Аноним 30
Глава 12. Встреча в кофейне 32
Глава 13. Не убийца 34
Глава 14. Бабушка 36
Глава 15. Кира знала 37
Глава 16. Флешка 39
Глава 17. Лера 41
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Анатолий Бевза
Хайп моей смерти.

Пролог. Последний выход

17 октября 2014 года

На сцене стоял человек, который собирался умереть понарошку.

Публика об этом знала. Человек тоже.

— Добрый вечер! — сказал Тимур в микрофон. — Меня зовут Тимур, мне двадцать четыре, и сегодня я наконец-то стану знаменитым. Мама будет рада. Хотя она просила просто устроиться в банк.

В третьем ряду кто-то засмеялся.

Тимур взглянул в темноту зала. Третий ряд был хорошим знаком. На репетиции смеялся только звукорежиссёр, да и тот — когда у Тимура отключился микрофон.

— У меня замечательный продюсер. Я ему говорю: «Марк, хочу, чтобы весь зал упал от смеха!» А он посмотрел на бюджет и говорит…

Тимур шагнул назад.

Раздался треск.

На секунду его лицо изменилось. Совсем чуть-чуть, но камера поймала это выражение.

Зал взорвался хохотом.

На экране появился чёрный кот с надорванным ухом.

«ХАЙП МОЕЙ СМЕРТИ. НЕ ПЕРЕКЛЮЧАЙТЕСЬ».

Видео закончилось.

В последующие двенадцать лет его посмотрели почти три миллиона раз.

Самым популярным комментарием тогда было: «Ну и рожа у него перед падением! Пересмотрел десять раз».

Никто из оставивших этот комментарий не видел, что произошло через четыре секунды после окончания ролика.

Часть первая. Вирус

Глава 1. Контент-план на смерть

17 октября 2026 года. 02:14

У Вари Соколовой было четыреста двенадцать подписчиков, три закрытых проекта и кот, который пользовался большим успехом в интернете, чем она.

Шницель сидел на клавиатуре. Шесть килограммов уверенности в том, что человечество придумало ноутбуки исключительно как кошачьи подогреватели.

— Слезь. Я работаю.

Кот растянулся между клавишами «Пробел» и «Удалить».

На экране мелькнули цифры статистики: тысяча двести сорок семь показов за месяц. Варя знала эту цифру наизусть. Примерно девятьсот показов были её собственными: она проверяла, не появилось ли чудо.

— Ладно, — сказала она Шницелю. — Хоть ты меня видишь.

Последний ролик назывался «Как я пыталась стать инфлюенсером». Название получалось честнее, чем она предполагала. На видео Варя изображала весёлую женщину, которая умеет смеяться над неудачами. Монтаж скрывал момент, когда после последнего дубля она села прямо на кухонный пол и начала считать, хватит ли денег на коммуналку.

В одиннадцать вечера ей написал бренд эко-свечей. Менеджер назвал канал перспективным и предложил сотрудничество. Когда речь зашла о деньгах, выяснилось, что у бренда есть ценности, миссия и аромат хвойного леса, но нет бюджета.

«Если ролик зайдёт, обсудим оплату», — сообщил менеджер.

Варя ответила: «Конечно, присылайте детали». Потом десять минут смотрела на слово «если».

Шницель слез с клавиатуры и отправился к миске. В отличие от хозяев бренда он не считал, что питание можно отложить до появления охватов.

Варя проверила счёт в банковском приложении. За квартиру нужно было платить двадцать пятого. Хозяйка уже прислала напоминание со смайликом; Варя ответила «Помню», хотя денег от этого не прибавилось. Шницель тем временем доел дорогой корм, за который она расплачивалась куда охотнее, чем за собственные обеды.

На экране мигнуло мамино сообщение: «Не надо быть знаменитой, лишь бы тебе самой нравилось». Варя набрала: «Мам, мне и так нравится».

Она ещё раз прочитала мамины слова. Палец повис над кнопкой отправки. Варя стёрла ответ и положила телефон экраном вниз.

Из работающих идей остались кот, свечи и старый архив. Первые две уже показали себя с плохой стороны. Она подключила внешний диск.

Варя открыла архив на внешнем диске. Папки лежали по годам, и в некоторых годах у неё ещё была работа, а в некоторых — надежда на работу. Курсор остановился на папке «2014».

Она не заходила туда двенадцать лет. Не потому, что забыла пароль. Она помнила слишком многое.

В одной из папок лежал старый ролик. Молодой комик на сцене, плохо сидящий пиджак, микрофон с изолентой на ручке.

— Меня зовут Тимур… — начал он.

Варя остановила воспроизведение. Ей не нужно было смотреть дальше. Она помнила место, где камера дёргалась, и тёмную полоску внизу кадра: чей-то палец заслонил объектив. Она помнила, как Марк потребовал срезать последние секунды.

— Привет, — сказала она неподвижному Тимуру.

На экране он улыбался.

В соседней папке обнаружились афиши, заставки и набор картинок с чёрным котом. У кота было надорвано левое ухо — художник намеренно оставил эту деталь, чтобы изображение не выглядело слишком милым. Марк утверждал, что милота продаёт только корм, а им нужен скандал.

Варя выбрала кота и открыла редактор публикаций. Рука работала быстрее головы.

02:36

«Напиши в комментах имя того, кто скоро умрёт. Не благодари».

Она прикрепила изображение. Нажала «Опубликовать».

Пост получился отвратительным. Не в смысле качества — в смысле вкуса. На дворе было два тридцать шесть, и собственные принципы казались вещью, которую можно обсудить после завтрака.

Варя проверила счётчик. Ноль просмотров.

— Вот видишь, — сказала она Шницелю, вернувшемуся из кухни. — Даже смерть никому не интересна, если её рекламирую я.

Она легла на диван, но телефон оставила в руке.

02:47

Экран вспыхнул.

«Новый комментарий».

Под котом появилось одно слово: «Олег».

Автор — oleg_smirnov_74. Старая страница с фотографией мужчины в костюме и короткими отчётами о профессиональных успехах. Варя узнала лицо прежде, чем увидела имя.

Олег Смирнов. Начальник, уволивший её три года назад за «несоответствие корпоративной культуре». На корпоративе она пошутила, что самый устойчивый актив компании — обещания премий. Коллеги смеялись. Олег — нет.

Он не был подписан на её канал. Варя проверяла это после увольнения; стыдная привычка, но не самая стыдная за всю её карьеру.

Она дважды прочитала комментарий. Захотелось удалить пост, позвонить Олегу и спросить, почему он не спит. Вместо этого Варя сделала то, за что через несколько часов возненавидит себя.

Поставила лайк.

Первый комментарий за месяц. Она не смогла пройти мимо.

Потом выключила экран.

В два пятьдесят кот уронил с подоконника пластиковую крышку. Варя выругалась сквозь сон. В три двенадцать где-то в центре Москвы погас свет в кабинете Олега Смирнова, но Варя этого не знала.

Она спала, прижимая к себе телефон. Ей снилось, что на её канал подписались все коллеги, включая тех, кого она когда-то блокировала.

Глава 2. Ожидание/реальность

08:16

Варю разбудил Шницель.

Кот стоял у неё на груди и размеренно бил лапой по щеке. Обычно это означало, что завтрак опаздывает. Иногда — что за окном голубь. Причины Шницель не объяснял.

— Я тебя когда-нибудь съем, — пообещала Варя.

Кот не испугался. Он видел, как она готовит яичницу.

Варя потянулась за телефоном.

Девяносто шесть тысяч просмотров.

Она села так резко, что Шницель спрыгнул на пол.

— Девяносто шесть тысяч. Шницель, ты слышишь? Это почти сто!

Кот потребовал еду. Варя открыла статистику. Комментарии, репосты, график взлетал с крутизной, которой не показывал ни один её прежний проект. На секунду она позволила себе радость — чистую, почти детскую. Кто-то увидел её работу. Кто-то переслал. Кто-то посчитал смешным.

А потом пришло уведомление новостного канала.

«В столичном офисе найден мёртвым медиаменеджер Олег Смирнов. Обстоятельства выясняются».

Радость оборвалась, но успела существовать. И это было хуже всего.

Варя открыла свой пост. Под котом с надорванным ухом висело слово «Олег». Ниже — красное сердечко и надпись: «Нравится автору».

Она долго смотрела на эту маленькую отметку. Затем закрыла приложение и открыла снова.

Сердечко осталось.

Варя ещё не знала, что новость о смерти Олега растянется на весь день. Сначала она попробовала написать его секретарю, старой коллеге, с которой изредка обменивалась поздравлениями. Та не отвечала. Потом набрала рабочий номер офиса. Автоответчик весело предлагал выбрать отдел продаж, бухгалтерию или руководителя. Последний вариант показался особенно жестоким. Варя нажала ноль и выслушала музыку ожидания до конца.

Олег был неприятным начальником, но не картонным злодеем из её шуточных роликов. Он когда-то помог устроить ей курсы монтажа, когда студия закрыла один проект. Он же обожал заставлять сотрудников благодарить его за то, что зарплата приходит вовремя. Варя помнила декабрьскую вечеринку: она вела сцену, шутила про годовые отчёты, а Олег встал посередине номера и сказал, что хорошую шутку нужно согласовывать заранее. Она тогда заставила зал рассмеяться над его словами. Позже это оказалось хуже любого прямого конфликта.

Сейчас Варе захотелось, чтобы он ответил на звонок и снова объяснил ей, что она недостаточно серьёзна. Пусть бы даже уволил во второй раз. Она открыла архив переписки, нашла его последнее сообщение: «Соберите рабочие материалы до пятницы». Ни «удачи», ни «было приятно работать». Только пятница, которой тогда хватило, чтобы разобрать стол и унести домой маленькую коробку с сувенирами.

Телефон гудел от новых подписок. Варя выключила уведомления, но через минуту включила обратно: боялась пропустить сообщение, которое объяснит, что произошла нелепая ошибка. За дверью послышались шаги. Шницель успел первым добежать до порога: он всегда считал, что посетители приходят с пакетами корма. Варя не успела налить себе воды.

09:40

В дверь позвонили. Мужчина на площадке представился Глебом Морозовым, показал удостоверение и спросил, согласится ли она поговорить. На нём была куртка, вполне пригодная для допросов непогоды, и часы с поцарапанным стеклом.

— А где остальная полиция? — спросила Варя.

— Остальная полиция работает. А я пока здесь.

— Это плохой знак?

— Это зависит от ваших ответов.

Глеб не вошёл, пока Варя не отступила, приглашая его. Шницель вышел из кухни и замер у порога гостиной.

— Это он? — спросил следователь.

— Кто?

— Кот.

— Нет, — сказала Варя. — Тот на картинке чёрный. Этот — рыжий. Хотя я понимаю, что в интернете сейчас трудно доверять цвету.

— Я спрашивал, ваш ли это кот.

— Мой. Пока не доказано обратное.

Глеб сел на краешек дивана, не приближаясь к ноутбуку. Он записал её имя, подтвердил номер телефона и только тогда раскрыл блокнот.

— Вы опубликовали пост ночью. В комментариях появилось имя Олега Смирнова. Утром его нашли мёртвым. Вы знакомы?

— Работала у него. Он меня уволил.

— За что?

— За чувство юмора. Формально — за корпоративную культуру.

Глеб не улыбнулся. Варя почувствовала желание объяснить шутку и вовремя остановилась.

Он задавал короткие вопросы. Когда она видела Олега последний раз? Переписывались ли они? Кто мог знать пароль от её страницы? Она ответила и вдруг обнаружила, что предпочла бы крик, угрозы, что угодно, лишь бы не этот аккуратный карандаш над чистой клеткой блокнота.

Шницель взобрался на край стола и наступил на тачпад ноутбука. Открылся редактор публикаций. Варя схватила кота под живот, но тот уже успел поставить курсор в поле нового поста.

— Кто ещё имеет доступ к вашему устройству? — спросил Глеб.

— Только я.

Он посмотрел на Шницеля, который висел у неё на руках и возмущённо бил хвостом.

— И этот гражданин?

— У него доступа никто не спрашивает.

Глеб впервые за разговор почти улыбнулся. Потом попросил её убрать ноутбук со стола и закрыл блокнот ладонью, когда Шницель потянулся к карандашу.

— Скажите, — спросила Варя, — вам кот тоже кажется подозрительным?

— Он хотя бы не утверждает, что не трогал клавиатуру.

Он спросил, что Варя почувствовала, увидев статистику. Она долго молчала.

— Сначала обрадовалась, — призналась наконец. — Девяноста шести тысячам. Потом прочитала новость и поняла, что уже успела обрадоваться.

Он отметил что-то в блокноте, но не стал утешать. И за это она была благодарна.

— Вы считаете, что комментарий оставил сам Олег? — спросила она.

— Мы ещё проверяем, кто имел доступ к странице. Снаружи она выглядит как его. Это пока всё, что можно сказать.

— Вы бы стали писать своё имя под таким постом?

— Нет. Я бы ещё и пост не писал.

Варя почти улыбнулась.

— Откуда картинка? — спросил Глеб.

Кот на экране смотрел на неё с таким же выражением, как двенадцать лет назад.

— Из архива.

— Чьего?

— Моего. Старые материалы. Я много где работала.

— Где именно?

Варя назвала два агентства и сделала вид, что пытается вспомнить третье. Театр, октябрь, пиджак Тимура — всё это стояло перед глазами, но говорить она не собиралась.

Глеб оставил номер. Попросил не удалять переписку и не вмешиваться в проверку. На визитке не было мессенджера.

— У вас серьёзно кнопочный телефон? — спросила Варя.

— Да.

— Вы из принципа?

— Из спокойствия. Кому надо, позвонит. Кому не надо, тоже, к сожалению.

После его ухода Варя накормила Шницеля и принялась читать комментарии. Двести тысяч просмотров. Люди писали имена, спорили, строили теории, обвиняли её в колдовстве и просили рекламу от ведьмы. Под одним обсуждением неизвестный написал: «Следующее имя будет?»

Ответ пришёл с пустой страницы.

«Сева».

Варя знала Севу. Блогер, участвовавший в продвижении старого шоу, теперь снимал рискованные трюки. Его утренний пост обещал прыжок с грузового крана у старого речного причала в четырнадцать часов. Шутка о том, что выжившим достанется пиво, набрала больше реакций, чем замечание о необходимости страховки.

На часах было 11:22.

Она набрала Морозова.

— Под мемом ещё одно имя, — сказала она, как только он ответил.

— Чьё?

— Сева. Он сегодня собирается прыгнуть с крана. Есть трансляция, адрес площадки указан в анонсе.

— Пришлите ссылку. И ничего не пишите ему публично, пока не поговорим.

Варя открыла комментарии, чтобы скопировать адрес страницы. Под именем «Сева» появился ответ с аккаунта, который не проявлял активности с 2014 года.

«Ты не успеешь».

Глава 3. Кнопочный

11:23

Варя смотрела на фразу «Ты не успеешь», а Морозов всё ещё был на линии.

— Варя? Вы меня слышите?

Она нажала на поле ответа. Набрала: «Кто ты?» Стёрла. Отправила Глебу снимок экрана и только потом сообразила, что задерживает дыхание.

— Там ещё сообщение, — сказала она. — Про то, что мы не успеем.

— Не отвечайте. Я заеду за вами.

До его приезда она трижды проверила комментарий. Тот никуда не исчез.

11:39

Глеб приехал к Варе второй раз за утро. Она уже ждала у подъезда, в куртке поверх домашней футболки, с телефоном в руке.

— Прочитайте последнее сообщение, — попросила Варя.

Глеб прочитал его на экране её телефона. Потом ещё раз. Не потому, что ему не хватило первого раза. Ему не понравилось слово «успеешь».

— Это угроза? — спросила Варя.

— Пока это сообщение от неизвестного человека. Угроза там тоже может быть. Адрес вы нашли?

— Нашла. Если он настоящий. Сева отметил старый речной причал, а в комментариях пишут, что съёмка вообще на крыше торгового центра.

— Вы знаете его фамилию?

— В интернете он Сева Небо.

— А в паспорте?

— В паспорте я его не видела. Он подписчикам даже возраст не говорит. Возраст, по его словам, портит интригу.

Глеб позвонил дежурному районного отдела и сообщил об опасном мероприятии. Попросил направить наряд на указанную площадку, проверить, есть ли у организаторов разрешение на съёмку и обеспечена ли безопасность. Потом набрал номер из афиши челленджа.

Ответил мужчина с голосом человека, которому только что перевели аванс.

— Привет! Вступайте в клуб Севы, первые сто участников получают цифровой значок…

— Следователь Морозов. Кто отвечает за площадку?

— А вы по рекламе или по коллаборации?

— По безопасности.

— С этим к техническому директору. Могу прислать ссылку на форму.

— Назовите его имя.

— Без формы нельзя. У нас защита персональных данных.

Мужчина повесил трубку.

— Замечательно, — сказал Глеб.

— Вы так говорите, когда всё плохо?

— Нет. Когда становится интересно, кто именно мешает.

Варя уже застёгивала куртку.

— Вы куда? — спросил он.

— С вами.

— Нет.

— Он меня знает. Я помогала раскручивать его первые ролики. Если увидит меня, хотя бы выслушает.

— Вы ему написали?

— Он заблокировал меня три года назад. Я сказала, что трюк с цементом — это не контент, а медицинская страховка наоборот.

Глеб посмотрел на часы. Отказ от поездки занял бы ещё пять минут спора. Он не мог взять её на опасную площадку как помощницу следствия, но и запретить ей ехать туда самостоятельно не мог.

— До ограждения, — сказал он. — Дальше работает полиция. И никакой самодеятельности.

— Я вообще-то профессионал.

— Сегодня ночью вы профессионально предложили назвать будущего покойника.

Варя открыла рот, но не нашла реплики, которая выдержала бы это замечание.

12:18

У старого причала пахло мокрым железом, пылью и шаурмой. Последнее оказалось самым стойким. За сетчатым забором торчал грузовой кран. На его площадке стоял человек в жёлтой куртке, вокруг носились два оператора, а под краном собралось с полсотни зрителей. Каждый второй снимал происходящее на телефон. Остальные старались попасть в чужой кадр.

У ворот охранник отказался пускать Глеба внутрь.

— Частная территория.

Глеб предъявил удостоверение, представился и объяснил цель визита. Охранник долго разглядывал фотографию, будто удостоверения печатали специально для этого разговора.

— Нам сказали никого не пускать до начала шоу.

— На кране человек. Мы должны убедиться, что он не собирается прыгать без страховки.

— Он не прыгает. Он создаёт ожидание.

— Ожидание чего?

— Прыжка.

Глеб посмотрел на Варю.

— Вот поэтому мне нравится кнопочный телефон. Он не сообщает мне такое каждое утро.

У ворот появилась девушка с гарнитурой и планшетом. Она представилась координатором проекта. На просьбу назвать Севину фамилию ответила, что это коммерческая тайна.

— Он продаёт прыжок, а не фамилию, — объяснила она.

— Номер договора с владельцем площадки у вас есть? — спросил Глеб.

— Я отвечаю за коммуникации.

— То есть за слова.

— За репутацию бренда.

— Тогда передайте бренду, что за забором уже стоит патруль.

К воротам как раз подъехала машина местного отдела. Координатор сразу перестала улыбаться, но открывать проход не спешила. Она набирала кому-то сообщение двумя большими пальцами. Глеб попросил прибывших сотрудников заняться доступом на площадку и организаторами. Сам остался с Варей снаружи.

— Вы обещали, что мы успеем, — сказала она.

— Я обещал приехать.

Сверху раздался голос Севы. Усилитель хрипел, зато слова долетали отчётливо.

— Кто тут готов увидеть, как я обману смерть?

Толпа ответила так дружно, словно её заранее репетировали.

— Сев-а! Сев-а!

Варя набрала его номер. Сброс. Второй раз. Сброс. Третий раз телефон ответил автоматическим сообщением: «Пользователь занят великим».

— Он поставил это вместо гудков, — сказала она.

— Я заметил, что занят он больше остальных.

На площадке Сева поднялся на ограждённый технический настил. До открытой стрелы крана оставалось несколько шагов. Оператор пошёл за ним, пятясь и снимая крупным планом его лицо.

Варя почувствовала, как холодеют ладони. Олег тоже был настоящим человеком, прежде чем стать новостью. Она не собиралась снова смотреть на чужую смерть с телефона.

— Он сейчас выйдет за перила, — сказала она.

Глеб говорил по связи с сотрудником у прохода. Тот сообщил, что организаторы показывают разрешение на съёмку рекламного видео, в котором ничего не сказано о прыжке. Документы проверяли, а Сева продолжал раскручивать зрителей.

— Дайте ему реакцию, — сказал Глеб, убирая телефон.

— Чего?

— Он ждёт реакции. Но пока не прыгает. Попробуйте позвать его вниз. Без резких движений. Пусть посмотрит, кто приехал.

Варя подошла к ограждению, не переступая линию, которую обозначил полицейский.

— СЕВА!

Её голос утонул в музыке.

— СЕВА НЕБО, У ТЕБЯ ГОВНОРЕКЛАМА!

Это подействовало лучше сирены.

Люди у забора обернулись. Несколько телефонов повернулись к ней. Кто-то узнал Варю раньше, чем она успела пожалеть о формулировке.

— Это она! — крикнула девушка с блестящей сумкой. — Та, с котом!

Теперь снимали Варю. В объективы попадали её растрёпанные волосы, куртка, надетая поверх домашней футболки, и Глеб, который предусмотрительно отошёл в сторону.

— Да это же ведьма из мема! — восторженно сообщил парень рядом.

— Я монтажёр, — сказала Варя.

— А разница?

Наверху Сева перестал улыбаться. Он видел, как внимание публики утекает с крана вниз, к женщине возле забора.

— ЭЙ! — рявкнул он. — У НАС ТУТ ПРЕМЬЕРА!

Варя подняла обе руки.

— Сева, я приехала поговорить! Спускайся!

— Зачем? Чтобы ты ещё и этот эфир себе забрала?

— Слушай, я могу уйти. Но только когда ты будешь внизу!

Сева посмотрел на оператора, на толпу, опять на Варю. Потом объявил в микрофон:

— Пять минут рекламной паузы. У нас внеплановая коллаборация!

Он медленно спустился по внутренней лестнице. Варя считала ступени, хотя не могла видеть их все. Когда его кроссовки коснулись асфальта, ей захотелось сесть прямо на землю.

Сева шёл к ней быстрым шагом. Жёлтая куртка шуршала, микрофон всё ещё был включён.

— Ты украла мой хайп, — сказал он.

— Я пыталась не дать тебе убиться.

— У меня страховка.

— У тебя аудитория. Это не одно и то же.

Сева мельком посмотрел на телефон оператора. На экране было видно, как зрители уходят с трансляции.

— В четырнадцатом я полвечера таскал ваши штативы, — сказал он вдруг тихо, без микрофонной улыбки. — В кадр попал один раз. Спиной. А потом двенадцать лет все вспоминали Тимура, Марка и тебя. Даже кота вспоминали. Меня — нет.

— Сева…

— Сегодня камера смотрит на меня. И ты опять всех отвлекла.

Он снова включил улыбку.

— Ты меня сглазила своим котом. А теперь приехала смотреть, как работает твоя реклама?

— Я приехала, потому что кто-то написал твоё имя под моим постом.

На секунду он перестал играть на камеру.

— Кто?

— Не знаю.

— Значит, придумала.

Он хотел отвернуться, но Глеб подошёл и спокойно попросил прекратить рискованный трюк до выяснения обстоятельств. На этот раз Сева посмотрел на удостоверение без шуток.

— Это рекламный сценарий, — сказал он. — Я ещё даже не прыгал.

— И хорошо, — ответил Глеб. — Не начинайте.

Сева велел отключить микрофон, но ближайший оператор продолжал снимать. На одном из телефонов поднимался счётчик зрителей. Варя узнала этот взгляд: Сева ещё разговаривал с ними, а уже прикидывал заголовок ролика — «Ведьма сорвала мой смертельный челлендж».

12:56

За ограждением проверяли документы и разговаривали с техническими работниками. Съёмку приостановили. Глеб попросил коллег установить, кто отвечал за допуск людей на кран. Координатор путалась: сначала утверждала, что прыжка не было в сценарии, потом показывала презентацию, в которой слово «прыжок» написали огромными буквами.

Варя стояла у забора с бумажным стаканом воды. Кофе купить было негде. Пятьдесят человек продолжали снимать друг друга, потому что другого занятия на причале не нашлось.

Позвонила Лиза, сотрудница, помогавшая Глебу проверить пересланную картинку.

— Скрин с котом, который якобы появился на сорок минут раньше Вариного поста, — сказала она. — Он из чата фанатов Севы. Нашла исходное сообщение. Время дорисовали сверху; автор уже признался. Хотел разыграть друзей.

Глеб потёр переносицу.

— Значит, ранней публикации у нас нет?

— Этой нет. Но сам рисунок старый. Похоже, его передавали в нескольких версиях. Где взяли исходник, пока не ясно.

— Пришли подтверждения и ссылку на первоначальную переписку. Не скрин без происхождения.

Он убрал телефон.

— Что? — спросила Варя.

— Наша самая эффектная улика оказалась шуткой.

— Убийственно смешной?

— Не уверен, что вам сейчас стоит проверять новые шутки.

На рекламном щите у входа был нарисован тот самый чёрный кот. Видимо, организаторы успели переделать афишу после ночного шума в интернете. Варя подошла ближе. Надорванное ухо окружала тонкая белая кайма. На её изображении белого ободка не было.

— Глеб, — позвала она. — Сфотографируйте это.

— Почему?

— Не знаю. Но у меня другой файл.

Он сфотографировал афишу и записал, где она висит. Печатная картинка не доказывала, кто первым её создал, зато давала человека, у которого можно было спросить о заказе. Координатор отмахнулась: дизайн прислали утром, контакт заказчика у рекламного агентства.

Глеб записал и это.

У ворот их догнал охранник. В руках у него был белый конверт.

— Вот. Просили отдать девушке. Которая приедет к Севе.

— Кто просил? — сразу спросил Глеб.

— Не знаю. Курьер. Лица не разглядел. У нас тут с утра человек сто бегает.

— Когда оставил?

— До вашего приезда. Я вообще думал, фанатское письмо.

На конверте от руки было написано: «Варе Соколовой».

Глеб не разрешил ей его трогать. Вскрыл аккуратно, сохраняя упаковку, и вынул один лист. Бумага была простая, офисная. В углу напечатали чёрного кота с надорванным ухом.

— Что там? — спросила Варя.

Он прочитал молча. Потом повернул лист к ней.

«Ты опоздала на двенадцать лет. Но это ничего. Я подожду».

На причале за их спинами снова зааплодировали: Сева объявил подписчикам, что шоу переносится и скоро будет «настоящая версия без цензуры».

Варя слышала только последний шорох бумаги, когда Глеб убрал записку обратно.

— Что было двенадцать лет назад? — спросил он.

Она посмотрела на знакомого кота в углу листа.

— Ничего, — сказала Варя.

Глеб убрал лист обратно в конверт. На слове «ничего» она смотрела не на него, а на напечатанного кота.

За ограждением хрипнул громкоговоритель. Сева стоял на земле возле фургона с аппаратурой, задрав голову к телефонам зрителей.

— Варя Соколова! — выкрикнул он. — В прошлый раз ты была за камерой. Сегодня смотри мне в лицо. Это сообщение тебе!

Глеб повернулся к ней.

— В какой прошлый раз?

Варя уже знала, что ответит. И что это будет ещё одна ложь.

Глава 4. Кот виноват

Обратно Варя ехала в такси. В памяти стояла белая бумага с котом и фразой про двенадцать лет. Глеб увёз конверт, попросив её пока никому не рассказывать о нём. Но Варя всё время возвращалась к чужому почерку: кто-то заранее знал, что она окажется у крана.

Сева воспользовался вмешательством полиции лучше, чем любой рекламой. На его канале уже появился клип: «Ведьма сорвала челлендж! План Б в 14:00». Он не назвал новое место. В комментариях спорили, где пройдёт съёмка, и благодарили его за смелость. Варя попыталась дозвониться до Глеба — он разговаривал с организаторами и ответил сообщением: «Сотрудники ищут новую площадку. Дома оставайтесь на связи».

Она открыла трансляцию и увидела другую промышленную территорию, незнакомые металлические фермы и кусок неба. Подписчики просили поднять камеру повыше. Сева кричал: «Кто боится — тот без охватов!» Варя выключила звук. Лицо у него было то же, что полчаса назад, когда он стоял на асфальте: человек, которому важнее всего доказать, что за ним продолжают смотреть.

В квартире Шницель бесстыдно спал в корзине с чистым бельём. Варя вымыла руки, открыла воду и увидела за своим плечом человека.

Он был в пиджаке, который она помнила по видео. Только теперь пиджак казался мокрым, а на лацкане темнело что-то похожее на пыль. Варя обернулась. Ванная была пуста.

Она снова посмотрела в зеркало.

— У вас тут освещение плохое, — сообщил человек. — Я при жизни в таком не выступал.

Варя закричала. Человек закричал в ответ — искренне, с явным удовольствием.

— Ты кто?!

— Тимур. Стендап. Хотя последнее место работы — пол, если судить по финальному номеру.

— Я не шучу.

— Я заметил. У тебя это получается значительно хуже, чем раньше.

Варя ухватилась за раковину. Ей хотелось выбежать, открыть дверь соседям и объяснить, что у неё в зеркале покойник. Она представила выражение лица участкового и осталась.

— Это сон?

— Если да, у тебя очень скромная фантазия. Двенадцать лет ждала, чтобы приснился я? Могла бы кого-нибудь повыше.

Тимур поднял руку. В отражении она прошла сквозь стеклянную полочку. Ничего не упало.

— Отлично, — сказала Варя. — Галлюцинация с чувством юмора.

— Призрак, вообще-то. И с профессиональным чувством юмора. Не надо занижать квалификацию.

Она вспомнила старую папку, остановленный кадр, лицо Тимура перед падением.

— Ты умер.

— Сильное начало разговора. Тонкое наблюдение.

— Почему ты здесь?

— Это я и хотел спросить. Вчера мне было темно и скучно. Сегодня вдруг стало видно твою ванную. Есть версии?

Варя не собиралась рассказывать, что открыла файл с его выступлением и выложила кота. Но Тимур уже заметил экран телефона, который она держала в руке.

— Это же наш кот.

— Старый мем.

— На театральной афише вокруг уха шла белая кайма. А здесь её нет. Кто убрал?

— Не знаю.

Он посмотрел на неё. В отражении глаза казались живее, чем на том ролике.

— Тебя звали Варя, да? Ты снимала нас на репетиции. Всё время говорила: «Ещё дубль».

— Я была монтажёром.

Варя провела с привидением несколько нелепых опытов. Она выключила свет — Тимур исчез, но голос остался. Включила экран телефона — в нём отражалась только лампа. Поднесла карманное зеркальце — он появился в нём плечом, словно не поместился в тесную рамку. Тимур возмущался техническими условиями своей новой жизни, требовал широкоугольного зеркала и жаловался, что в ванной пахнет кошачьим шампунем.

— Если ты настоящий, коснись чего-нибудь, — сказала Варя.

Он ткнул пальцем в стеклянную полочку. Палец прошёл сквозь неё, не оставив следа.

— Поздравляю, — сказал Тимур. — Мы установили, что мёртвые плохо работают грузчиками.

Варя поставила перед ним стакан. Он сделал вид, что пьёт, потом вытер несуществующие усы. Ей захотелось смеяться, но сердце билось слишком быстро. Она знала его голос. Когда-то часами двигала дорожку звука на монтажном экране так, чтобы смех после каждой реплики попадал ровно в нужную паузу. Теперь он звучал без микрофона и оставался узнаваемым даже после двенадцати лет тишины.

— Ты не можешь выйти из отражений? — спросила она.

— Я сам не знаю. Пытался шагнуть — и очутился в следующем. Как будто меня перелистывают.

— Значит, ты следишь за мной?

— Если бы мог выбирать, начал бы с человека, у которого дома нет кота с наглой мордой.

Из комнаты донёсся звонок телефона. Варя вздрогнула, а Тимур вдруг отвернулся, словно услышал знакомую музыку. Это был звук прямой трансляции, где толпа уже кричала имя Севы. Варя схватила телефон. Все её опыты закончились: живому человеку на краю высоты явно не помогало то, что у неё в зеркале шутит мёртвый.

— Тогда мы оба пропали из-за монтажа. У тебя хотя бы был выбор.

Варя отвернулась от зеркала. В гостиной телефон закричал голосом Севы: «Ребята, всё по плану!» На экране рука в яркой перчатке махала зрителям с высоты. Варя побежала к дивану. На последнем кадре кто-то неудачно дёрнул камеру.

Экран погас.

— Это часть шоу? — спросил Тимур из чёрного прямоугольника телевизора.

Варя не ответила.

Глава 5. Старые афиши

Сева выжил после падения. По крайней мере так сообщали журналисты, которым удалось обогнать скорую помощь словами «эксклюзивные кадры». Его увезли в больницу; состояние было тяжёлым. Варя впервые в жизни захотела, чтобы комментарии отключили везде сразу.

Тимур появился в тёмном экране ноутбука и принялся изучать квартиру.

— У тебя из мебели диван, стол и кот. Это минимализм или кредит?

— Тихо. Мне надо позвонить следователю.

— Это тот мужчина с лицом «я видел вашу налоговую декларацию»?

— Ты его видел?

— В отражении стеклянной двери. Я не слепой, я мёртвый.

Глеб ответил после второго гудка. Он подтвердил, что Сева госпитализирован, и попросил Варю больше не пытаться самостоятельно связаться с организаторами. У того, кто писал «Ты не успеешь», мог быть доступ к внутренним сведениям о съёмке.

— У меня дома посторонний, — сказала она, прежде чем успела себя остановить.

— Где он?

— В зеркале.

На линии воцарилось молчание.

— Поясните.

— Нет, забудьте. Я устала.

— Тогда поешьте и не оставайтесь одна, если вам плохо. Это не следственное поручение.

Тимур торжествующе кивнул, словно ему уже представили адвоката. Варя отключилась и набрала школьную подругу, с которой не разговаривала полгода. Та ответила: «Увидела твой мем! Это правда?» Варя сбросила звонок. Советов о здоровом сне не хотелось слышать ни от кого.

Вечером Глеб привёз распечатку изображения. Он говорил с Варей в подъезде: официальный осмотр телефона и компьютера требовал соблюдения процедуры, а пока нужно было лишь уточнить происхождение файла. В пакете у него лежали копии двух скриншотов: на одной картинке ухо кота было без отметок, на другой обведено тонкой белой каймой.

— Вы работали в 2014 году с видеопродакшеном «Марк и партнёры»? — спросил он.

С лестницы пахло краской. Где-то этажом выше ребёнок учился играть на скрипке; Варя решила, что даже это сейчас лучше её ответов.

— Недолго.

— Там было шоу с комиком Тимуром Агеевым.

Варя кивнула.

— Вы были на выступлении?

— Да.

— Почему не сказали утром?

— Не спрашивали о Тимуре.

Глеб посмотрел на неё так, словно проверял, сколько ещё вопросов ей потребуется задать, прежде чем услышать правду.

Тимур отражался в стекле подъездной двери. Он больше не шутил.

— Я нашёл архив удалённых афиш, — сказал Глеб. — Там этот кот. И ваше имя в списке технической группы. У всех этих материалов один общий автор проекта — Марк Воронов.

При имени Марка у Вари заныли ладони. Она сжала их в карманах.

— Вы уверены, что хотите рассказывать мне только то, о чём я спрашиваю? — спросил Глеб.

— А у меня есть выбор?

— Пока да.

Глеб убрал распечатки, попрощался и спустился по лестнице. Варя долго сидела на лестничной клетке после их вечернего разговора. В подъезде кто-то оставил коробку с детской коляской, возле почтовых ящиков валялась рекламная листовка про ремонт окон. Это был обыкновенный, скучный мир. В нём люди сдавали квартиры, ругались с соседями и забывали ключи. В таком мире чрезвычайно трудно объяснить, что у тебя дома появился бывший стендап-комик, похороненный двенадцать лет назад.

Она вспомнила первую работу в студии Марка. Тогда ей выдали камеру, на которой кнопка записи была стёрта до гладкого кружочка. Варя боялась её нажать: казалось, техника непременно сломается именно у неё. Тимур подошёл, повернул камеру к себе и заявил: «Если будет плохо, просто снимай меня издалека. Я издалека похож на дорогого артиста». Он не был самым известным человеком в их группе, но единственный обращался с младшей монтажёршей как с коллегой.

Ей стало стыдно от этого воспоминания сильнее, чем от всех угроз Марка. Она годами говорила себе, что Тимур был чужим человеком, а она — маленькой сотрудницей, которой не положено принимать решения. Но он помнил её имя. И давал ей шанс на работу, когда никто не смотрел.

Шницель встретил её у двери с игрушечной мышью в зубах. Варя поставила ногу на коврик и сказала: «Спасибо, хотя бы у тебя проблемы решаются убийством игрушек». Кот положил добычу ей под ноги, совершенно удовлетворённый результатом операции.

В квартире телевизор был выключен. Тимура не видно. Варя даже подумала, что всё прошло. Но стоило ей поднять телефон, как в чёрном экране появилось его лицо.

— Он нашёл наш театр? — спросил призрак.

Она опустила руку.

— Нашёл.

— Тогда приготовься. Там было больше зрителей, чем в твоём канале. И почему-то никто не знает, что видел.

Тимур сказал из стекла: «Он всё равно докопается». Варя сняла со стены маленькое зеркало и положила его лицом вниз. Но голос Тимура продолжал звучать из выключенного телевизора.

— Значит, придётся вспомнить, кого мы тогда не услышали.

Глава 6. Челлендж

Первые два часа после падения Севы мир делился на две категории: тех, кто пересылал запись, и тех, кто клялся, что никогда не станет её смотреть. Вторые обычно добавляли ссылку — «чтобы вы понимали, о чём речь».

Варя сидела в коридоре городской больницы. Её туда никто не звал. Она приехала на такси, объяснив водителю, что нужно срочно увидеть незнакомого ей человека, который, возможно, пострадал из-за картинки с котом. Водитель признался, что возил людей и с более странными причинами.

Через стекло автомата с напитками на неё смотрел Тимур. Он приклеился к отражению так, будто хотел прочитать состав шоколадного батончика.

— Возьми себе что-нибудь, — посоветовал он. — Ты уже два часа изображаешь героиню трагедии на голодный желудок.

— Я не героиня.

— Согласен. Героиня сначала позвонила бы пострадавшему, а потом проверила статистику.

Варя сердито посмотрела на телефон. Статистика действительно была открыта. Она даже не помнила, как нажала на значок.

Из отделения вышла женщина в халате. Варя поднялась, но врач прошла мимо неё к человеку, который представился родственником. Из обрывков фраз стало понятно, что состояние Севы тяжёлое; никакой дополнительной информации посторонним не дадут. Глеб, приехавший после разговора с сотрудниками площадки, тоже не стал требовать того, что не могли сообщить без оснований.

— Извините, — сказала Варя. — Я подумала: если мы остановим его раньше…

В больнице Варя впервые встретила девушку, которая приехала не снимать Севу, а ждать его. Её звали Даша; она держала в руках толстую куртку с логотипом команды и никак не могла решить, куда её положить. На вопрос Вари ответила коротко: «Я монтировала его видео. Полгода просила убрать опасные прыжки». Потом отвернулась к окну.

— Он всегда так делал? — осторожно спросила Варя.

— Первые ролики были про ремонт велосипедов, — сказала Даша. — Они набирали пятьсот просмотров. Когда Сева однажды упал с бордюра и неудачно выругался, было сто тысяч. Он перестал ремонтировать велосипеды.

Варя посмотрела на куртку и вспомнила собственный смешной ролик про магазин, который не заплатил ей за рекламу. Тот ролик все пересылали. А видео о том, как она помогала соседке найти потерявшегося пса, почти никто не заметил. Она сама рассказывала об этом друзьям как о забавной несправедливости, не понимая, что подобные числа постепенно меняют решения.

Даша призналась, что утром уговаривала Севу перенести съёмку. Тот ответил: «У нас уже рекламу купили, поздно». Теперь её больше всего злили не шутки в комментариях, а платный баннер с его лицом: договор не предусматривал отмену кампании, и реклама крутилась, пока он лежал в операционной.

— Я попрошу их снять, — сказала Варя.

— Они не послушают.

— Я умею быть очень неприятной клиенткой.

Даша впервые едва заметно улыбнулась. Варя написала организатору и получила ответ с предложением уточнить ситуацию «после согласования с отделом бренда». Она не знала, смеяться или ругаться. В тот момент из палаты вышла медсестра, и все слова в коридоре сразу стали лишними.

— Его предупреждали. Организаторов тоже. У него были свои решения.

— Да, но имя появилось заранее.

— Вот этим мы и займёмся.

Один из молодых операторов челленджа сидел у стены и плакал. В его телефоне без звука повторялся момент падения. Глеб попросил остановить воспроизведение и записал данные свидетеля. Варя хотела его обнять, но вспомнила, сколько раз сама отправляла друзьям записи чужих провалов.

Вечером появились первые сообщения о смерти Севы. Затем больница подтвердила, что спасти его не удалось.

Тимур молчал почти десять минут. Для него это было дольше, чем обычное выступление.

— Ты его знал? — спросила Варя в отражение окна автобуса.

— Он распространял мой ролик. Тогда ему было весело. Я не помню, что думал о нём после. После у меня вообще плохая память.

— Ты хочешь сказать, что виноват он?

— Я хочу сказать, что он умер. Это обычно мешает спорить о виноватых.

Дома Варя открыла комментарии. Среди тысяч шуток кто-то написал: «Два из двух. Кто следующий?» Сообщение набирало лайки быстрее, чем заметка со словами соболезнования.

Она нажала «Пожаловаться». Потом снова. После десятой жалобы поняла, что воюет не с людьми, а со своей старой профессией.

На экране появилось новое уведомление: «Ваш пост упомянули в новостях». Под ним стояла фотография Севы на краю крана. Кот с надорванным ухом был аккуратно вставлен в угол кадра, как логотип телепрограммы.

Глава 7. Отпечаток кота

Глеб не любил выражение «цифровой след». Оно внушало людям, что в интернете каждый преступник оставляет отпечаток подошвы, а следователь приходит и аккуратно снимает его скотчем. На практике следы приходилось сначала отделять от чужой фантазии.

Эксперт Лиза Шатова показала ему два файла. Один был картинкой Вари, второй — скриншотом с форумной страницы, появившимся раньше. В обоих изображался кот с одинаковой царапиной возле левого уха, но рамка и степень сжатия различались.

— Значит, один исходник? — спросил Глеб.

— Похоже, что общий источник. Но это не отпечатки пальцев. Если кто-то сохранил старую афишу и обработал её, он получит тот же рисунок. Видишь эти пиксели?

— Не вижу. Но доверяю твоей раздражённости.

Лиза увеличила изображение. По краю выступала тонкая полоса, не имеющая отношения к рисунку кота.

— Это часть телевизионной заставки. В 2014 году такой эффект добавляли в монтажной программе, популярной в маленьких студиях. Мы нашли образец в архиве сайта той фирмы.

На экране возникла афиша: «ХАЙП МОЕЙ СМЕРТИ». Снизу стояли логотипы спонсоров и фамилии технической группы. Глеб прочёл имя Вари Соколовой и почувствовал знакомое неприятное облегчение. Подозрения обрели форму, но от этого дело не стало проще.

— Её версия без рамки, — сказала Лиза. — Видимо, у неё был исходный рисунок. А тот, кто опубликовал картинку раньше, взял её из старого ролика.

— Ты это можешь доказать?

— Могу обосновать заключением происхождение копии. Но не могу назвать человека, у которого был файл. Если бы картинки умели показывать паспорт, я бы давно уехала на море.

У Глеба зазвонил телефон. Дежурный сообщил, что в квартире Олега Смирнова найден рабочий ноутбук со следами недавнего входа в старый аккаунт. Доступ был зарегистрирован не только с его привычного устройства. Нужны ответы провайдера и данные платформы.

В приложенной к сообщению фотографии ночного журнала бизнес-центра Глеб заметил неровную запись: «03:10, служебный посетитель». Чуть выше кто-то дописал: «Ошибка регистрации». Ручки были разные. Он попросил сохранить оригинал журнала и выяснить, кто вносил исправление. Это мог быть небрежный дежурный. Но почему-то именно эта строка испортила Глебу настроение сильнее, чем картинка с котом.

— Сколько это займёт? — спросил Глеб.

— Столько, сколько займёт. Там не любят срочных писем от людей с кнопочными телефонами.

Глеб отключился и посмотрел на афишу. В нижнем углу стояла фамилия продюсера Марка Воронова. Под ней — крошечный знак чёрного кота.

Сотрудники, осматривавшие кабинет Олега, обнаружили старый металлический ящик с надписью «Архив». Внутри лежали фотокарточки команды, несколько кассет и бумажная папка, где руководитель по старой привычке хранил договоры вместе с личными записками. Одна записка была адресована ему самому: «Не выбрасывать. Срок значения не имеет».

Глеб попросил точно зафиксировать содержимое и происхождение вещей.

Лиза отдельно показала ему предварительное описание осмотра тела Олега. Одна травма плохо укладывалась в простую версию «упал в кабинете и ударился». Вывод о её происхождении пока не был готов; специалист просил сопоставить повреждение с предметами, находившимися рядом. Глеб обвёл строку карандашом и не стал говорить Варе о готовом убийстве там, где ещё оставался вопрос. Он помнил Олега только по публичным фотографиям — уверенного, гладко причёсанного человека, которому вручали статуэтки на фоне логотипов. Ящик на

полу выглядел куда более личным. Кассета с надписью «Тимур. Звук» была перемотана почти до конца. Возле неё лежали наушники с перетёртым проводом.

Коллега предположил, что Олег собирался продать старые материалы журналистам. Глеб не стал спорить. Пока не выяснено, кому он писал и чего хотел, невозможно отличить желание рассказать правду от попытки заработать на ней ещё раз.

Лиза позвонила вечером и сообщила, что в одном из удалённых архивов студии осталась служебная заставка, где кот показан на белой рамке. Полоса совпадала по расположению с ранним изображением, найденным на форуме. Но у поста Вари рамки не было.

— Значит, были разные копии уже в 2014 году, — сказал Глеб.

— Да. И люди, у которых имелись оригиналы. Варя не единственная.

Глеб вспомнил, как уверенно она сказала «мой архив». Он не знал, насколько далеко простиралась эта уверенность, и теперь решил спросить не «почему вы скрыли», а «кто ещё имел доступ». Разница была профессиональной, но иногда именно она помогала человеку перестать защищаться и начать говорить.

В соседнем окне Лиза открыла фотографию из новости о смерти Смирнова: дорогой кабинет, наградные статуэтки, стеллажи. На верхней полке стояла рамка, которую полицейский фотограф снял лишь краем. В ней была всё та же афиша.

— Олег хранил её двенадцать лет, — сказал Глеб.

— Может, гордился проектом.

— А может, боялся забыть.

Он отправил запрос на проверку вещей в кабинете. Варе Глеб пока не звонил: он хотел услышать её объяснение уже после того, как увидит, что именно она пыталась скрыть.

Глава 8. Знаменитость

К полудню у Вари было сто девяносто тысяч новых подписчиков и пять предложений о сотрудничестве. Два пришли от ритуальных агентств, одно — от магазина кормов, ещё одно — от человека, который обещал научить её «этичным методам вирусности» за сумму, которой хватило бы на небольшую этичную машину.

Пока Варя пыталась закрыть рекламную кампанию, телефон разрывался от предложений интервью. Один продюсер обещал сделать из неё лицо нового телевизионного проекта и просил «чуть больше мистики» в ответах. Другой уверял, что ненавидит эксплуатацию трагедий, но готов обсудить её в специальном выпуске — при условии, что Варя придёт с котом и наденет чёрное.

У неё на столе лежал список вопросов: «Как вы относитесь к проклятию?», «У вас есть дар?», «Кого вы назовёте следующим?» Ни один не спрашивал, что произошло с Олегом. Варя поймала себя на том, что мысленно придумывает остроумные ответы. Так работала её голова: даже тревогу она старалась обработать и выпустить в подходящем формате.

Шницель наблюдал за ней с холодильника. Она предложила ему стать участником первого интервью, но кот развернулся спиной. В этой позе он лучше многих людей выражал отношение к творческой индустрии.

К вечеру Варя вышла из квартиры за хлебом. На автобусной остановке подростки обсуждали её мем. Один показал другому фотографию Севы и сказал, что «проклятый кот» скоро доберётся до нового имени. Девочка в жёлтой шапке возразила, что это просто пиар. Мальчик ответил: «Тем лучше. Значит, можно участвовать».

Варя ускорила шаг. Она не собиралась читать этим детям лекцию и не считала себя вправе. Но впервые увидела собственный пост снаружи, в чужих руках, и испытала не радость автора, а желание отобрать игрушку у человека, который не знает, что у неё острые края.

Возле подъезда кто-то наклеил бумажного кота на почтовый ящик. Под ним было написано: «Здесь живёт ведьма». Варя сорвала листок, скомкала и сунула в карман. Дома она долго отмывала клей с пальцев. На экране телефона ждало новое сообщение, и ей почему-то уже было ясно, что добрых новостей там не будет.

Она читала письма на кухне, пока Шницель облизывал пустую миску. Кот получил корм раньше срока: Варя извинялась перед ним за всё, чего он не совершал.

От бренда эко-свечей пришло новое письмо — впервые с конкретной суммой. Они предлагали выпустить «памятный аромат» и снять ролик на фоне места, которое сейчас обсуждает весь город. Варя дошла до строки «бережно монетизируем переживание» и заблокировала адрес. Потом посмотрела на сумму ещё раз. Заблокировала повторно, для надёжности.

Видеозвонок поступил от менеджера сети наружной рекламы. На большом экране торгового центра уже крутили её картинку с котом. Кто-то купил рекламные показы за её спиной.

— Это незаконно? — спросила Варя.

— Что именно? — уточнил менеджер.

— Вешать на здание мем про смерть человека.

— Там же нет фамилии человека. Это цифровая культура. Хорошая вовлечённость.

— А если он действительно умер?

— Тогда надо бы посоветоваться с юристами. Но вы же автор, вам виднее.

Варя почувствовала редкое желание пойти и лично выключить щит. Даже если для этого придётся познакомиться с рекламным отделом городских властей.

На экране ноутбука появилось письмо без подписи. Тема: «Поздравляю».

«Тебе нравится, когда наконец смотрят? Я могу сделать больше. Куратор».

— Это спам, — сказала Варя.

Тимур отразился в тёмной поверхности чайника.

— Спам обычно не знает, чего ты боишься.

— Может, просто хороший маркетолог.

— Это одно и то же, но с доступом к бюджету.

Ещё через час у торгового центра появился второй щит. На нём был чёрный кот, а надпись гласила: «Следующий выпуск скоро». Ниже — имя «Кира».

Варя погуглила. Кира Лапшина, администратор старого шоу, давно не появлялась в публичных материалах. В памяти всплыл небольшой коридор за сценой, Кира с рацией и листком расписания, крик: «У нас нет второго дубля, Тимур!»

Варя набрала её номер из старой записной книжки. Девушка ответила почти сразу.

— Если ты из-за ролика, — сказала Кира, — я ничего не знаю.

— Я даже не успела представиться.

— Варя, у тебя узнаваемый голос. Он всегда был таким, будто ты заранее знаешь финал.

— Кира, там твоё имя.

На другом конце что-то упало. Возможно, чашка. Возможно, телефон. Варя услышала тяжёлое дыхание.

— Он снова начал, — прошептала Кира.

— Кто?

— Тот, кто двенадцать лет обещал, что если мы заговорим, никто нам не поверит.

Связь оборвалась.

Глава 9. Кира

Кира жила в старом кирпичном доме, где пахло варёной капустой и чужими ремонтами. На третьем этаже Глеб позвонил в дверь, затем постучал. Никто не ответил. Варя, которую он просил оставаться в стороне, стояла на лестнице с пакетом булочек. Она объясняла это гуманитарной помощью.

— А вы всегда приходите на место возможного преступления с выпечкой? — спросил он.

— Я впервые. Но с пустыми руками неудобно.

Соседка подтвердила: Кира вечером была дома, но в последние дни ей постоянно кто-то звонил. Когда Глеб назвал фамилию Марка Воронова, женщина прищурилась.

— Это тот, который на фотографиях выглядит как хозяин всех хороших новостей?

— Возможно. Вы его видели?

— Нет. Я просто не люблю людей, которые улыбаются на всех афишах одинаково.

Дверь Киры открыли сотрудники с соблюдением необходимых формальностей после того, как появились основания опасаться за её жизнь. Киру нашли мёртвой. Изнутри дверь была заперта на обычный замок; на кухне стояли чашка и коробка дорогого чая. На коробке поверх исходной транспортной наклейки была наклеена вторая. Номер заказа на ней сохранился целиком; откуда приехал подарок, ещё предстояло установить.

Варя села на лестничную ступеньку. Булочки лежали у неё на коленях, как совершенно нелепый реквизит.

— Я ей звонила, — сказала она.

— Знаю. Ваш звонок есть в телефоне.

— Она боялась Марка.

— Об этом мы поговорим отдельно. Сейчас вам лучше уйти.

— Вы думаете, она сама?.. — Варя не закончила.

— Пока мы не знаем. Закрытая дверь не отвечает ни на один вопрос о причине смерти.

В подъезде Киры Варя встретила мужчину с детской коляской. Он остановился на лестничной площадке и спросил, правда ли, что в квартире наверху нашли «жертву интернет-проклятия». Варя покачала головой.

— Я ничего не знаю.

— А в новостях говорят, что тут колдунья приходила.

Он посмотрел на её телефон, будто по нему можно было определить профессию. Варя спрятала экран. Никогда раньше слово «колдунья» не казалось ей таким скучным и беспомощным. Оно объясняло всё и не объясняло ничего.

Кира в старом чате была самым практичным человеком команды. Когда все спорили, какой цвет афиши лучше, она напоминала, что в аренду зала входит уборка только до десяти вечера. Когда Марк устраивал совещания, Кира приносила воду и спрашивала, кому именно придётся оплачивать новые идеи. Варя не дружила с ней близко, но несколько лет хранила номер: такие люди казались нужными даже после закрытия проекта.

Варин телефон завибрировал. Писала бывшая коллега из агентства: «Слышала про Киру. Ужас. Не отвечай никому, они всё перекрутят». Следом — «И если будет интервью, можешь порекомендовать меня как пиарщика?» Варя смотрела на два сообщения и не понимала, как люди успевают так быстро менять лицо в одном диалоге.

Когда Глеб вышел из квартиры, она уже знала: ему нельзя рассказывать это как ещё одну страшилку. Она должна назвать точные слова Киры, время разговора и сказать, откуда узнала о рекламном щите. Это было похоже на работу. Теперь её работа заключалась не в том, чтобы удержать внимание, а в том, чтобы не потерять факты.

Глеб вышел через час. Соседка к этому времени успела сварить ему чай и узнать, женат ли он. Он отказался от чая, но сообщил, что не женат, и тут же пожалел: женщина посмотрела на Варю с новым интересом.

— Мы не встречаемся, — сказала Варя.

— Я ещё не спрашивала, — ответила соседка.

У подъезда Глеб спросил, что Кира сказала по телефону. Варя повторила разговор почти дословно. На слове «двенадцать» он поднял голову.

— Она говорила «он»?

— Да.

— Вы спросили кто?

— Не успела.

Из квартиры вынесли запечатанные предметы. В окне на третьем этаже отражалось небо. Варя разглядела в стекле Тимура, стоявшего позади неё. Он смотрел вверх и не произносил ни слова.

— Ты её помнишь? — спросила Варя вполголоса.

— Она следила за временем, — ответил он. — Всегда говорила, что задержка дороже реквизита.

Варя хотела улыбнуться, но лицо не послушалось.

Позднее вечером Глеб получил сообщение из лаборатории: делать выводы о самоубийстве рано, необходимо исследовать содержимое чашки и установить, кто принёс чай. Первое сообщение прессы уже успело назвать случившееся «третьей смертью проклятого мема».

Глава 10. Тот же кот

Варя развесила полотенца на зеркалах. Тимур немедленно появился в блестящем боку чайника. Она переставила чайник в шкаф. Он возник на экране выключенного телевизора, куда Варя как раз смотрела, чтобы проверить, насколько смешно выглядит её борьба с отражениями.

— Ты думаешь, это помогает? — спросил он.

— Я думаю, мне надо хотя бы два часа тишины.

— У меня было двенадцать лет. Не рекомендую.

Они говорили о Кире, о Севе и о том, почему старое изображение внезапно стало модным. Тимур вспоминал репетиции кусками. Он помнил, как Марк требовал от публики «настоящей реакции», как его отправили примерить нелепый пиджак, как Кира ругалась из-за опоздавшего техника. А потом — звук лопнувшего дерева.

— Ты понимал, что номер опасный? — спросила Варя.

— Видел высоту. Репетировал с матами. На премьере мне сказали, что всё закрепили. Я хотел, чтобы люди смеялись. Не чтобы они считали, как быстро я падаю.

Она открыла старые афиши. В углу каждой стоял кот с надорванным ухом. Первоначальный рисунок придумала художница, работавшая на студию Марка. Варя вспомнила её имя — Нина — и старую переписку: Марк просил сделать кота «похожим на того, кто уже всё видел».

— Марк писал тебе после смерти? — спросил Тимур.

— Он писал живым.

— Это подозрительная привычка.

— Просил никому не рассказывать о записи. Говорил, что мы все окажемся виноватыми. Восемнадцать лет — не самый взрослый возраст, чтобы спорить с человеком, у которого есть договор, деньги и адвокат.

— Ты всё равно могла.

Варя повернула телефон экраном вниз.

— Да.

Тимур впервые не стал добавлять шутку. Он смотрел на её руки, и Варе захотелось, чтобы призраки хотя бы иногда моргали.

В старых материалах сохранилась короткая запись одной из репетиций. Тимур пробовал номер перед пятью сотрудниками: осветителем, звукорежиссёром, Кирой, Марком и Варей. Он рассказывал, что на школьном выпускном обещал учительнице однажды оказаться «на большой сцене». Учительница велела ему сначала выучить таблицу умножения, потому что с ней легче считать гонорары.

На записи Марк прервал шутку. «Нормально, но мало риска», — сказал он. Тимур ответил, что может рассказать историю о собственном похороне. Марк оживился: «Вот. Это уже продаётся». Варя тогда посмеялась вместе с остальными. Ей было восемнадцать, и любое одобрение продюсера казалось пропуском во взрослую жизнь.

— Ты помнишь, как всё началось? — спросила она Тимура, остановив кадр.

— Я предложил шутку. Марк предложил сделать её буквально. Я думал, он умеет остановиться. Он думал, что умеет всё.

Варя открыла папку с договорами. В одном документе нашёлся пункт о постановочном падении и работе каскадёра. Имя каскадёра не было вписано. На полях красной ручкой значилось: «Исполнитель сам». Внизу стояла подпись Марка.

Она сфотографировала страницу и отправила Глебу с пояснением, где нашла оригинал. Затем убрала телефон и попросила Тимура рассказать о том, что происходило за кулисами до выхода. Он вспоминал неохотно: кому-то заказали пиццу, кто-то потерял ключ от гримёрки, Марк дважды проверял счётчик предварительных просмотров. Никто не заметил, как из репе-

тиционной шутки выросло мероприятие, в котором безопасность превратили в расход, подлежащий сокращению.

Варя записала всё, что он говорил, как собственные вопросы к проверке, не выдавая голос призрака за источник доказательств. Текст получился неровным, с подчёркиваниями и вопросительными знаками. Но впервые она не хотела из него делать короткий ролик.

Поздно ночью ей написал Куратор. Одной строкой: «Ты не автор. Ты проводник».

Она уже потянулась удалить сообщение, когда появился второй текст: «Тимуру привет. Надеюсь, он наконец научился заканчивать выступления».

Варя резко подняла голову. Тимур в телевизоре увидел её лицо.

— Что?

Она показала экран. Он прочитал и отступил в глубину тёмного стекла, хотя там не было никакой глубины.

— Это Марк, — сказал Тимур.

— Откуда ты знаешь?

— Так он говорил перед каждым концертом: «Главное — закончить эффектно». Даже когда я просил просто дать мне нормально выступить.

На телефон пришла третья строка: «Встретимся в кофейне. И приходи одна. Смеяться будем вдвоём».

Глава 11. Аноним

Куратор назначил встречу на девять утра, будто страшные тайны лучше всего раскрываются за круассаном. Варя просидела до рассвета, составляя варианты ответа. В одном она угрожала полицией. В другом требовала доказать, что Куратор не случайный поклонник плохих шуток. Самый короткий вариант состоял из двух слов, которые Шницель, вероятно, одобрил бы.

Варя решила одеться так, чтобы Марк не подумал, что ей страшно. В шкафу обнаружились чёрная водолазка, джинсы, две рубашки и платье, в котором она однажды ходила на собеседование и получила работу, не соответствовавшую ни одному из обещаний в вакансии. Она выбрала водолазку. Тимур из зеркала на дверце шкафа заметил, что для тайной встречи с опасным человеком она могла бы хотя бы подобрать костюм с карманами.

— Зачем карманы?

— Для диктофона, бумажек и скрытого оружия. Не обязательно всего сразу. Ты собираешься к человеку, который умел продавать публике смерть как аттракцион.

— Я туда иду не как шпионка.

— Да, как бывшая сотрудница, которая всё ещё не может отказать начальнику. Это гораздо опаснее.

Варя опустилась на край кровати. Она хотела возразить, но вспомнила, сколько раз за последние годы Марк писал ей одно и то же слово: «Помнишь?» Он не требовал ответов. Не угрожал прямо. Просто появлялся в сообщениях на каждую годовщину, как уведомление календаря, которым нельзя управлять. Она боялась не того, что он что-то сделает; боялась, что снова поверит его уверенности.

Глеб предложил перед встречей коротко обсудить условия. Варя не стала спорить: впервые она хотела иметь свидетеля собственных решений. Они встретились у метро, где Глеб держал бумажный стакан кофе и выглядел человеком, готовым пропустить важную встречу ради составления списка более важных встреч.

— Если он спросит про полицию, — сказал Глеб, — не нужно изображать агента под прикрытием. Скажите правду, если это безопасно, или прекратите разговор.

— Он умеет заставить тебя почувствовать, что ты обязана объясняться.

— Я не обязан ему ни объясняться, ни нравиться.

Варя подумала, что именно поэтому Марк, вероятно, будет ненавидеть Морозова гораздо сильнее всех своих прежних критиков. Марк терпеть не мог людей, которых нельзя было заставить захотеть аплодисментов.

Тимур следил за её черновиками в отражении монитора.

— Не ходи.

— И ждать, пока он назовёт кого-нибудь ещё?

— Это ловушка.

— Ты узнаёшь ловушки по опыту?

— Я умер во время собственного выступления. Экспертная категория.

Варя отправила сообщение Глебу. Тот перезвонил и минуту молчал, читая её пересказ.

— Встретиться хотите? — спросил он.

— Хочу узнать, кто заставил людей поверить, что мой кот убивает.

— Кот, значит, ваш?

— С художественной точки зрения.

— Тогда не забудьте, что художественная точка зрения не освобождает от ответственности за реальные слова.

Она не придумала ответа. Зато впервые по-настоящему оценила его способность незаметно портить чужую самооборону.

Глеб предложил наблюдать за встречей, но предупредил: никаких тайных игр ради эффектного разоблачения. Если Марк предлагает что-то опасное, Варя уходит. Если получает угрозы, сохраняет переписку. Он отдельно попросил не вести прямой эфир. Для неё это звучало почти оскорбительно.

— Я умею не снимать, — сказала она.

— Откуда мне знать?

— Из моего канала. Там половину времени ничего не происходит.

В восемь сорок пять она стояла перед кофейней и смотрела на отражение в витрине. Тимур появился возле её плеча.

— На этот раз у тебя хоть есть человек, который может помочь.

— Ты тоже можешь.

— Я могу сострить. Это редко считается помощью в судах.

Варя глубоко вдохнула. Дверь открылась сама, впуская тёплый воздух и запах молотого кофе. За дальним столиком Марк Воронов поднял руку. Он улыбался так, словно они расстались только вчера и последнее, что между ними произошло, — не смерть, а удачная презентация.

Глава 12. Встреча в кофейне

Марк почти не изменился. Седина у висков делала его солиднее, дорогая куртка — беднее на вид, чем была на самом деле. Он показал бариста два пальца, и тот принёс второй кофе, даже не спросив Варю.

— Я помню, что ты пьёшь без сахара, — сказал Марк.

— Ты помнишь людей, которым должен деньги?

— Ты стала остроумнее.

— Нет. Просто больше не работаю на тебя.

Марк подвинул к ней салфетку. На ней была нарисована кошачья морда с надорванным ухом. Варя не притронулась.

— Твои охваты растут. Это начало, — произнёс он.

— Ты купил билборды?

— Не все. Некоторые наши партнёры обладают инициативой.

— Кира умерла.

Улыбка Марка задержалась на лице чуть дольше, чем требовалось.

— Прискорбно. Она давно нервничала.

— А Сева?

— Люди снимают опасные видео, потом удивляются последствиям. Ты же понимаешь устройство рынка.

— Я понимаю, что ты говоришь о трупах как о показателях в отчёте.

— А ты пришла узнать, почему твой отчёт наконец хороший.

Варя пожалела, что у неё нет диктофона; потом вспомнила, что запись разговора без контекста редко заменяет доказательства. В кофейне человек за соседним столиком листал газету. Она знала: Глеб там, но не стала поворачиваться.

Марк наклонился ближе. В мелких жестах он был особенно хорош. Он запоминал, как человек пьёт кофе, какие слова использует, каких тем избегает. В 2014 году Варя воспринимала это как заботу. Теперь замечала, что он каждый раз подбирает удобное доказательство своей власти: готовый напиток, заранее занятое место, имя бариста, который знает заказ без вопросов.

На столе лежал телефон Марка, экраном вверх. Варя увидела десятки уведомлений — люди поздравляли его с успешной рекламной кампанией. Он не скрывал их. Напротив, чуть развернул телефон, чтобы она прочитала. Это было старое упражнение: дать подчинённому почувствовать, насколько большой мир за спиной начальника.

— Ты правда не видишь ничего хорошего в этом? — спросил Марк. — У тебя теперь аудитория. Тебе звонят. Ты можешь жить на свои деньги.

— После трёх смертей?

— После публичного интереса. Не путай причины и следствия.

Варя знала, что он намеренно переворачивает разговор. Но в течение одной страшной секунды у неё мелькнула мысль: если бы никакой смерти не случилось, она была бы счастлива получить такой рост охватов. Марк словно прочитал её лицо.

— Ты не плохая, — сказал он мягче. — Ты просто хочешь, чтобы твою работу заметили. Это нормально. Знаешь, сколько людей согласились бы на моё предложение?

— Мне не интересно, сколько. Мне интересно, сколько из них ты уже сделал виноватыми.

Он впервые рассмеялся от души, и Варе стало ещё хуже: ей удалось его развлечь.

За соседним столом Глеб листал газету. Он взял настоящую бумажную газету специально, чтобы не прятаться за телефоном, но выглядел не так, как в шпионских фильмах. Скорее как человек, который пришёл почитать новости и обнаружил, что почти все они плохие. Варя вдруг

заметила: он ни разу не поднял голову, однако видел всё, что происходило у их столика, в зеркальной полосе над кофемашиной.

Марк тоже это заметил.

— Твой новый друг много читает, — сказал он. — Раньше такие люди хотя бы делали вид, что заняты работой.

— Ты боишься человека с газетой?

— Я боюсь только людей, которые знают, что искать между строк.

Варя решила, что больше не будет вести с ним разговор в языке намёков. Ей нужны имена, даты и конкретные поступки. Но Марк уже приготовил следующую приманку — упоминание Тимура.

— Ты ведь помнишь, что было после падения? Не ролик. До монтажа.

Варя смотрела на его ладони. Пальцы у Марка были ухоженные, ногти короткие. Такими руками легко подписывать договоры и совершенно невозможно представить, как они кому-то помогают.

— Я помню Тимура, — сказала она.

— Это хорошая новость. Я-то думал, вы его все давно превратили в картинку.

— Кто пишет с аккаунта Олега?

— Не знаю. Умершие плохо соблюдают правила информационной безопасности.

Варя встала.

— Ты намекаешь, что это ты?

— Я намекаю, что ты снова в центре внимания. Ты хотела этого с восемнадцати лет. И я могу сделать так, чтобы тебя запомнили не как девочку, которая резала чужой ролик, а как женщину, придумавшую самое громкое шоу страны.

Он положил на стол визитку. На обороте — адрес прежнего театра.

— Как ты узнал, что Тимур рядом? — спросила она.

Марк посмотрел на неё впервые без улыбки.

— Я сказал только, что он, наверное, был бы рад. Ты сама сейчас сказала «рядом».

Варя поняла, что он подставил ей зеркало, в котором она добровольно показала лишнее.

Уходя, Марк добавил:

— И не стоит думать, что Морозов защитит тебя от прошлого. Он сам не всё знает о своей семье.

Глава 13. Не убийца

— Ты выдала ему больше, чем он тебе, — сказал Глеб, когда они вышли из кофейни.

— Спасибо. У вас невероятный талант успокаивать людей.

— Зато вы знаете, что я честный.

Глеб мог подтвердить, что Марк оплатил часть рекламной кампании, и имел основания проверять его в связи с угрозами. Но в момент смерти Киры продюсер выступал на публичной конференции. Перед сценой висела камера, а в первом ряду сидели сотни людей. Это не делало его невиновным. Это делало его человеком, у которого был план.

— Он мог попросить кого-то, — сказала Варя.

— Мог. И пока это лишь ваше предположение.

— Могу сделать презентацию. Марк любит презентации.

— Пусть сначала будет что на слайды положить.

Глеб попросил Варю подробно записать каждую фразу, сказанную Марком. Особый интерес вызвала её случайная оговорка про Тимура.

— Вы утверждаете, что видите погибшего человека?

Варя посмотрела на витрину магазина. Тимур стоял за стеклом между манекенами, с явным удовольствием изображая одного из них.

— Я утверждаю, что плохо сплю.

Глеб не собирался объяснять Варе все результаты проверки: часть сведений относилась к материалам, не предназначенным для общего обсуждения. Но он мог поделиться тем, что уже было публичным. Марк действительно выступал на конференции в день смерти Киры. Фотографии и видеозаписи подтверждали присутствие, однако отсутствие человека на месте преступления не снимало вопроса о возможной организации действий других лиц.

— В сериале вы бы сейчас сказали, что у него железное алиби, — заметила Варя.

— В сериале мне бы уже разрешили лично допрашивать кота. А здесь сначала надо узнать причину смерти.

Она спросила, почему он не любит смартфоны. Глеб некоторое время шёл молча, потом рассказал о двух годах работы с делами, где люди собирали цифровые сведения о чужой жизни и продавали их кому угодно. Он видел, как безобидная привычка отмечать каждый шаг становилась удобной картой для мошенника.

— И поэтому кнопочный?

— Поэтому разделяю работу и личное. На службе использую нужную технику. Дома мне хватает телефона, который звонит.

— А фотографии?

— Фотоаппарат. Иногда бумажный альбом.

— Вы действительно существуете в двадцать шестом году?

— К сожалению. И очень трудно не заметить.

Варя хотела спросить, не слишком ли он одинок с таким устройством жизни. Не спросила. У неё самой было двести тысяч людей в подписчиках и ни одного, кому она могла бы без долгих объяснений сказать: «Мне страшно, побудь рядом».

Глеб остановился возле витрины и указал на папку с газетами в сумке. Ему пришло сообщение от бабушки, что Кира накануне отправила пакет. Варя осторожно предложила сначала проверить связь отправления с Кирой, а не спешить открывать конверт.

Он посмотрел на неё с уважением, которого она не ожидала.

— Уже мыслите как человек, который не хочет испортить доказательства.

— Я профессиональный монтажёр. Знаю, как испортить, — ответила она. — Теперь пытаюсь научиться обратному.

— Это не одно и то же.

— Для моего врача одно.

Они остановились у перехода. Глеб показал ей фотографию из дела Олега: на столе лежала папка, а внутри — старый договор на видеопроизводство. Через двенадцать лет после шоу Олег собирал материалы. На ноутбуке обнаружили черновик письма журналисту, начинавшийся словами: «Я видел то, что не вошло в финальный монтаж».

— Его кто-то остановил, — сказала Варя.

— Или он умер до того, как отправил письмо. Мы будем выяснять.

У неё зазвонил телефон. Номер был незнакомый, московский. Женщина быстро произнесла, что была подругой Киры. Та перед смертью отправила пакет старой журналистке, некогда писавшей о шоу. Назвала фамилию: Морозова.

Варя повернулась к Глебу.

— Это ваша родственница?

Он нахмурился.

— Моя бабушка.

— Серьёзно?

— Да. Она собирает старые вырезки и любит брать интервью у людей, которые думают, что уже всё сказали.

Тимур из витрины поднял невидимую чашку.

— Добро пожаловать в семейный детектив. Вам удобно, когда все знакомы со всеми?

Варя не улыбнулась. Ей стало холодно от того, что старое шоу снова находило дорогу к одним и тем же людям.

Глава 14. Бабушка

Анна Семёновна Морозова открыла не сразу: сначала через дверь попросила Глеба назвать причину визита, а затем поинтересовалась, не пришёл ли он снова без нужных документов. За ней виднелся коридор, заставленный газетными папками.

— Это Варя, — представил её Глеб. — Мы ищем материалы о Тимуре Агееве.

— Девушка с котом, — сказала Анна Семёновна. — Понятно. Я вам сразу скажу: я брала интервью не у кота.

Она расследовала обстоятельства смерти Тимура уже после премьеры. На самом выступлении её не было, и свидетельствовать о происходившем на сцене она не могла. Зато сохранила черновик статьи, из которого редактор убрал абзац о задержке скорой, список работников и письма, на которые так и не получила ответа. Глеб отметил каждую дату: память бабушки для него была семейной, но документам предстояла обычная проверка.

На столе лежал конверт с пометкой «Кира». Он пришёл накануне гибели отправительницы, и Анна Семёновна не решилась вскрывать его одна после новостей. Глеб сначала сфотографировал лицевую сторону конверта и попросил не выбрасывать упаковку. Затем Анна Семёновна, как адресат, вскрыла его при них. На первом листе было написано: «Если Марк начнёт снова, спросите у Леры, где вторая камера». Оригинал она согласилась передать для проверки.

— Почему она написала именно вам? — спросила Варя.

— В четырнадцатом я спрашивала про скорую и оборудование. Кира тогда сказала: «Не лезьте, нас всех уволят». Видимо, потом передумала. Жаль, не успела позвонить.

Варя заметила в папке распечатанное фото Тимура возле остановки. Он смеялся, подняв плечи, как человек, который только что рассказал удачную глупость. На обороте стояла дата интервью другого журналиста — не Анны Семёновны. Варя задержала взгляд на снимке, но не попросила отдать его для поста.

— Есть ещё список техников, — сказала бабушка. — Если нужен ответ, ищите живых людей. Мёртвые у нас, к сожалению, отвечают только в интернете.

Глеб убрал бумаги в папку для передачи и только тогда заметил на полях одну фамилию, знакомую с детства: «А. Морозов». Пока он решил, что это совпадение. Бабушка ничего не объяснила — не хотела подменять его работу семейным рассказом.

Уже у двери Варя спросила, почему она сохранила статью, которую не напечатали.

— Потому что однажды поняла: если редактор вырезал абзац, это не значит, что свидетели перестали существовать.

Глава 15. Кира знала

Они просидели у Анны Семёновны до вечера. Из распечаток стало ясно: Кира годами сохраняла сообщения от Марка. Некоторые касались выплат, другие — того, как сотрудникам следовало говорить о трагедии. Большинство выглядело неприятно, но не преступно. Несколько, однако, содержали прямые угрозы испортить репутацию тем, кто расскажет о задержке помощи.

Варя листала страницы, вспоминая молодую Киру. Та носила слишком яркие шарфы и постоянно считала расходы. Перед шоу сказала Тимуру: «Не умирай на сцене, у нас страховка только на оборудование». Все смеялись. Тимур больше остальных.

Теперь у Вари на ладони лежал последний лист с неровным письмом Киры. «Если со мной что-то случится, не верьте сообщениям от моего имени». Ниже был нарисован маленький квадрат — вроде условного обозначения карты памяти.

— Вы будете это проверять? — спросила она Глеба.

— Да. Через экспертизу, запросы, допросы. Не через пост о проклятии.

— Я и не предлагала.

— Вы уже придумали заголовок, Варя. Я вижу.

Она виновато убрала телефон.

На одной из распечаток Кира подчеркнула имя Романа Зубкова. Рядом её почерком стояло: «После премьеры забрал реквизит. Слишком быстро». Глеб спросил Анну Семёновну, почему она не заметила эту пометку сразу. Та ответила, что ещё не успела прочитать всё содержимое письма, и добавила, что возраст иногда помогает отличать важное от срочного, но не дарит способность читать через конверт.

Варя обратила внимание на дату. Пометка появилась уже в 2026 году. Кира вспоминала не о старой инвентаризации, а о человеке, которого снова увидела недавно. В старой переписке был его рабочий номер. Варя узнала его по сохранённому контакту «Роман — вход/охрана». Она никогда не звонила ему сама: всё общение шло через администратора.

— Он был в театре после падения? — спросила она Тимура.

— Помню, как он не пускал зрителей за сцену. Наверное, делал свою работу. Тогда мне казалось, что охрана должна спасать артистов от поклонников. Оказывается, от некоторых продюсеров тоже не помешала бы.

Кира за несколько дней до смерти писала Лере: «Если они снова начнут, спрячь запись». Лера не ответила. Варя думала, что это означало отказ, пока Глеб не предложил другую версию: отсутствие ответа могло быть осторожностью человека, который уверен, что за перепиской наблюдают.

Варя представила Леру — молчаливую женщину за камерой на балконе, всегда следившую за уровнем батареи. При жизни Тимура они редко разговаривали. Теперь ей хотелось спросить, почему Лера никогда не пришла к ней с записью. И тут же стало ясно: а пришла бы Варя к Лере, если бы сама не решилась ничего сказать? Вряд ли.

Анна Семёновна нашла в конверте маленькую открытку. На ней Кира написала: «Если я ошибаюсь, сожгите всё и посмейтесь надо мной. Если нет — пожалуйста, не дайте им сделать из этого новое шоу».

Варя перечитала последнее предложение и убрала телефон в сумку. Снимать открытку ей не хотелось.

Тимур отражался в стеклянном шкафу с сервизом. Он всё время смотрел на фотографию Киры, которую достали из архива. Когда они остались на кухне вдвоём — если считать живых, Варя действительно была там одна, — он заговорил.

— Она меня предупреждала. Не про смерть. Про Марка. Говорила, он умеет сделать так, чтобы на любой вопрос был готов красивый ответ.

— Почему ты не ушёл?

— Потому что он обещал зал. И потому что сам бы я получил три табуретки возле бара.

Варя провела пальцем по краю чашки.

— Ты хотел миллион?

— Я хотел, чтобы человек, который меня не знает, всё равно остановился и дослушал. Миллион — просто удобное количество незнакомцев.

Из комнаты донёсся голос Анны Семёновны: «Глеб, я нашла кассету!»

На коробке было написано: «Тимур. Репетиция. Не стирать». Варя почувствовала, как сердце забилось быстрее.

— Она не поможет, — тихо сказал Тимур. — На репетиции я был смешнее.

Но он всё равно пошёл за ней — настолько, насколько может пойти человек, существующий лишь в отражениях.

Глава 16. Флешка

В маленькой лаборатории Лиза включила запись с карты памяти Киры в присутствии Глеба и специалиста, оформлявшего работу с носителем. Запись началась шорохом, затем послышались два знакомых голоса.

«Ты понимаешь, что если об этом узнают, виноваты будем все?» — говорил Марк.

«Я не обязана за тебя отвечать», — отвечала Кира.

«Ты отвечала за расписание. Это твоё время на листке. Не забывай».

Запись с карты памяти была короткой, но слушать её приходилось несколько раз. Слова Марка перекрывал шум дороги, в конце возникал металлический звон — возможно, кто-то положил устройство возле ключей. Лиза объяснила, что без исходных сведений невозможно уверенно установить, происходил ли разговор именно в тот день, который предполагала Кира. Глеб согласился. Лишняя осторожность иногда спасала дело от красивого, но неверного вывода.

Варя узнала обращение Марка к Кире по имени: он всегда чуть растягивал первый слог, словно собирался похвалить. На старых совещаниях этот приём означал, что сейчас последует неприятная просьба, которую назовут «возможностью проявить гибкость». Варя много раз сама подхватывала его интонацию, смеясь над чужим раздражением.

— Он правда мог угрожать ей просто так? — спросила она.

— Для него это не «просто так», — сказал Глеб. — Если у человека годами есть информация, которая ставит под угрозу чужие доходы и свободу, давление может быть его привычным инструментом.

Звонок поступил от женщины, представившейся бывшей коллегой Киры. Она вспомнила, что та недавно жаловалась на коробку дорогого чая, присланную без открытки. Кира не любила дорогие подарки. Она говорила, что у них всегда бывает счёт, который предъявят позже. Глеб попросил коллегу оформить эту информацию и проверить происхождение посылки.

— Может, коробку прислал магазин? — предположила Варя.

— Может. Но если магазин отправлял её как обычный заказ, у него останутся следы оформления. А если кто-то оформил заказ от чужого имени, интересно будет узнать кто.

На первом снимке упаковки они прочитали только название службы доставки и номер. Остальное скрывала переклеенная этикетка.

Варя сидела так неподвижно, что Тимур перестал шутить в отражении оконного стекла. Впервые она увидела прямой мост между старым шантажом и настоящей смертью, но он состоял не из мистических цифр, а из чьих-то привычных, почти бытовых решений.

После работы Глеб повёз её домой. Он не спрашивал, боится ли она. Вместо этого включил отопление, когда заметил, что она мёрзнет. Варя захотела сказать ему спасибо, но испугалась, что это прозвучит слишком лично. Она просто перестала жаловаться на неудобную машину.

Варя сидела рядом с Глебом. Она помнила, как Кира держала в руках ту таблицу со временем выходов. Её тогда попросили убрать из монтажной программы таймкод: «Зрителям мешают цифры». Варя сделала это, не задавая вопросов.

— В какой день записан разговор? — спросил Глеб.

— По содержанию — недавно. По данным файла есть признаки копирования. Установить происхождение ещё предстоит.

— Значит, для начала ищем источник, — сказал он.

В конце записи возник третий голос: кто-то рассмеялся после слов Марка, тяжело, с коротким сухим кашлем. Варя такого смеха не помнила.

— Кто это? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Глеб. — Но у каждого голоса есть хозяин.

К ним присоединилась Анна Семёновна. Её удалось убедить не входить в кабинет со словами «я только послушаю», зато она привезла список сотрудников театра. Возле одной фамилии была пометка: «Лера Миронова — камера на технической галерее».

— Она жива? — спросила Варя.

— Сама не знаю, — сказала бабушка. — В отличие от ваших приложений, мой блокнот не обновляется ночью.

Варя нашла страницу Леры в сети. На ней не было свежих фотографий, только объявление о занятиях видеомонтажом в небольшом подмосковном городе. Прочитав адрес, Глеб взял куртку.

— Поедем разговаривать. Без трансляции, — сказал он Варе.

— У меня вообще-то работа.

— Какая?

Она посмотрела на экран телефона. Её вирусный пост пересекал миллион показов.

— Кажется, больше никакой.

Глава 17. Лера

Лера жила в доме с низкой крышей и зелёными ставнями. Двор пах сырыми яблоками. Варя давно не бывала в месте, где никто ничего не снимал. Даже кот на крыльце не проявил интереса к камере.

Лера открыла не сразу. Ей было около сорока, волосы собраны небрежно, в глазах — та осторожность, с которой смотрят на людей, уже слышавших про тебя чужую версию правды.

— Я думала, вы из полиции, — сказала она.

— Я из полиции, — ответил Глеб.

— А она?

— Участница событий. Мы попросили её приехать, чтобы вы могли сказать, что помните об этой работе.

— Вы привели Варю? Ко мне?

Варя почувствовала, что булочки в рюкзаке снова сделали бы ситуацию только хуже.

Лера пустила их на кухню. На шкафу стояла старая видеокамера. Она работала, и хозяйка показала, как меняет аккумулятор, с гордостью человека, пережившего шесть поколений устройств и не утратившего уважения к механическим кнопкам.

— Я снимала репетиции отдельно, — рассказала Лера. — Марк хотел одну общую запись для монтажа, а я делала технический контроль. На премьере оставила камеру на галерее. После падения забрала карту домой.

Лера показала им мастерскую, прежде чем заговорила о записи. В комнате стояли два компьютера, коробки со старыми объективами, полки с аккуратно подписанными кабелями. На стене висела фотография девочки лет десяти с видеокамерой. «Дочь», — сказала Лера и сразу повернула рамку лицом к стене. Она не хотела, чтобы кто-то снимал её ребёнка или связывал семью с прошлой историей.

— Вы всё ещё монтируете? — спросила Варя.

— Учу подростков. Объясняю, почему нельзя вырезать одну фразу так, чтобы человек стал говорить противоположное. Очень помогает, когда у учеников есть любимые блогеры и мало терпения.

— Я раньше считала, что хороший монтаж — это когда зритель ничего не замечает.

— Хороший монтаж в документальной истории — когда зритель понимает, что ты выбрал показать, и может задать вопрос, почему.

Варя кивнула. Она впервые ясно увидела разницу между тем, чему её учили в студии Марка, и тем, о чём говорил человек, сохранивший неудобную запись.

Лера призналась, что в течение нескольких лет пыталась забыть сам факт существования второй камеры. Сначала боялась давления продюсера, затем — реакции публики, которая уже сделала падение Тимура смешным. Когда в сети появлялись юбилейные подборки роликов, она закрывала ноутбук на середине.

— Мне кажется, если я покажу запись, люди снова станут смотреть, как он умирает, — сказала она.

— Не обязательно выкладывать её в интернет, — ответил Глеб. — Сначала нужно установить обстоятельства. А вопрос публичного использования — отдельный.

Лера посмотрела на Варю.

— Ты понимаешь, почему я не хочу снова давать материал монтажёру?

— Понимаю, — ответила та. — Я тоже пока не уверена, что доверила бы его себе.

На крыльце они задержались. В огороде стояло пластиковое чучело с нарисованной улыбкой. Тимур в тёмном стекле автомобильного окна объявил, что у него появился серьёзный

конкурент в жанре стендапа. Варя впервые за несколько дней рассмеялась так, чтобы её услышали живые. Лера удивлённо обернулась. Варя не стала объяснять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.